This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

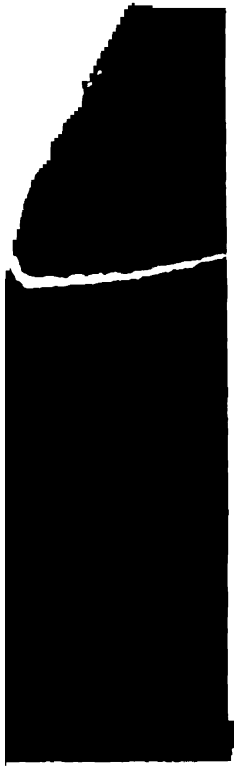
- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`



STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES

Zagoskin, N.P.

РАЗБОРЪ ИЗСЛѢДОВАНІЯ

Н. П. ЛИХАЧЕВА

„РАЗРЯДНЫЕ ДЬЯКИ XVI ВѢКА".

Н. П. ЗАГОСКИНЪ.

ОРД. ПРОФЕССОРЪ ИМПЕРАТОРСКАГО КАЗАНСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

Вас. Остр., 9 лин., № 12.

1892.

74

JN6524
Z3

F25245

РАЗБОРЪ ИЗСЛѢДОВАНІЯ Н. П. ЛИХАЧЕВА: „РАЗРЯДНЫЕ ДЬЯКИ XVI ВѢКА",

сдѣланный, по порученію Императорской Академіи Наукъ, орд. профессоромъ Императорскаго Казанскаго университета **Н. П. Загоскинымъ.** Казань. 1889.

Несомнѣнно, что XV-й вѣкъ и первая половина XVI-го вѣка представляютъ эпоху, весьма любопытную въ исторической жизни русскаго народа.

Складывающееся на развалинахъ основъ удѣльно-вѣчеваго періода русской жизни, Московское государство вполнѣ ясно намѣчаетъ свои централизаціонныя задачи уже въ концѣ XIV-го вѣка, а къ половинѣ XVI-го вѣка собранныя, но пока еще механически связанныя, области — уже готовы завершить долгій процессъ объединенія, образованіемъ самодержавнаго и единодержавнаго Московскаго царства.

Основные устои жизни удѣльно-вѣчевой Руси, расшатанные татарскимъ погромомъ, не въ состояніи оказываются поддерживать созидающееся громадное зданіе русской государственности; жизнь слагающагося Московскаго государства отказывается укладываться въ формы и рамки государственнаго и общественаго строя удѣльной Руси. Вотъ почему первая половина XVI-го вѣка застаетъ уже сложившееся Московское государство въ состояніи броженія, не успѣвшимъ еще привести въ надлежащую устойчивость свои государственные и общественные элементы, благодаря чему всѣ эти области, всѣ эти мѣстныя земщины, при первомъ сильномъ ударѣ, нанесенномъ имъ смутнымъ временемъ, готовы были распасться на тѣ первоначальные элементы, изъ которыхъ онѣ въ теченіи предшествовавшихъ двухъ вѣковъ слагались путемъ чисто механическимъ. Это состояніе броженія, неустойчивости государ-

ственнаго и общественнаго строя — сказывается во всѣхъ проявленіяхъ жизни XVI-го столѣтія. Оно сказывается въ законодательствѣ, въ сферѣ котораго уже къ половинѣ этого столѣтія возникаетъ потребность исправить лишь за пятьдесятъ лѣтъ передъ тѣмъ изданный Судебникъ в. к. Іоанна III, съ тѣмъ, чтобы «былъ судъ праведенъ всякіе дѣла непоколебимо во вѣки», чтобъ для всѣхъ жителей государства судъ былъ «праведенъ и безпосульно во всякихъ дѣлахъ», чтобъ сгладить ту пестроту въ области суда, съ ея иммунитетами и судебными привиллегіями, которая осталась наслѣдіемъ предшествовавшихъ вѣковъ. Въ неустойчивомъ положеніи находилась церковь и нравственно-религіозная жизнь общества, проникнутая областнымъ партикуляризмомъ; результатомъ попеченій Іоанна IV-го «не токмо о устроеніи земномъ, но и многоразличныхъ церковныхъ исправленіяхъ» — является въ этой сферѣ Стоглавый соборъ и сборникъ «Стоглавъ», выразившій въ себѣ идею духовно-религіозной централизаціи, какъ необходимаго послѣдствія централизаціи территоріальной и послѣдовавшими за нею централизаціями законодательною (судебники) и земскою (первый земскій соборъ). Государственное и общественное броженіе сказывалось и въ отношеніяхъ государства къ высшимъ служилымъ людямъ (отъѣзды за рубежъ и борьба Іоанна IV съ боярствомъ), и въ отношеніяхъ общественныхъ группъ какъ къ государству, такъ и между собою (вспомнимъ характерную въ этомъ отношеніи рѣчь Іоанна IV на первомъ земскомъ соборѣ).

Не успѣла отлиться въ опредѣленно-установившіяся формы и система управленія вновь сложившагося государства. Въ сферѣ мѣстнаго управленія наблюдается, — и еще долго будетъ наблюдаться, вплоть до эпохи Петровскихъ реформъ, — колебаніе правительства въ выборѣ между приказнымъ и земскимъ началами въ организаціи областнаго управленія. Прежняя патріархальная система управленія черезъ намѣстниковъ и волостелей, съ ея кормами, поборами и отсутствіемъ контроля — къ половинѣ XVI-го перестала отвѣчать требованіямъ государственности, что въ особенности рельефно сказалось въ эпоху боярскаго правленія въ малолѣтство Іоанна IV-го; полѣ ряда попытокъ къ улучшенію областнаго управленія, — въ родѣ уставныхъ грамотъ, предоставленія земцинамъ губнаго права и, наконецъ, неудавшейся попытки Грознаго Царя совершенно отмѣнить на протяженіи всего государства приказное управленіе, широко поставивъ на его мѣсто земское самоуправленіе (приговоръ 1556 года), — государство переходитъ къ

системѣ воеводскаго управленія и къ широкому развитію областныхъ приказовъ, съ бо́льшими или меньшими колебаніями поддерживая эту организацію мѣстнаго управленія въ теченіи всего XVII-го вѣка.

Всякому, хотя бы элементарно знакомому съ исторіею русскихъ государственныхъ учрежденій, хорошо извѣстно, что удѣльно-вѣчевая Русь не выработала различія между управленіемъ центральнымъ и управленіемъ мѣстнымъ, въ которомъ, впрочемъ, при незначительности протяженія территоріи отдѣльныхъ волостей и при господствовавшей въ ту пору системѣ «добыванія» столовъ — не представлялось ни государственной необходимости, ни фактической возможности; дружинники-посадники, съ преобладающими, почти исключительными, функціями судебною и фискальною — совершенно удовлетворяли несложнымъ задачамъ управленія, предоставляя всю внутреннюю организаціонную и попечительную дѣятельность на пользу земщинъ — вѣданію этихъ послѣднихъ. Даже самъ князь не былъ исключительнымъ представителемъ центральной власти; будучи носителемъ идеи (именно только *идеи*) этой послѣдней, онъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, былъ органомъ мѣстной власти для того округа (центральнаго, стольнаго), который онъ оставлялъ въ своемъ собственномъ вѣданіи и въ которомъ онъ являлся съ функціями обыкновеннаго посадника. Было бы ошибочнымъ видѣть органъ центральнаго управленія въ вѣчѣ, которое предшествовало образованію государства, никогда государствомъ учреждено не было и было лишь выраженіемъ исконной автономіи земщины, которая продолжала уживаться на ряду съ княжескою властью. Было бы не меньшею ошибкою признать за органъ центральнаго управленія и княжескую думу удѣльно-вѣчеваго періода, которая, коренясь въ договорныхъ отношеніяхъ, связывавшихъ князя и его дружинниковъ, не была учрежденіемъ, созданнымъ во имя цѣлей государственныхъ, но была лишь выраженіемъ права свободныхъ дружинниковъ участвовать мыслью и совѣтомъ въ тѣхъ княжескихъ начинаніяхъ, которыя могли повлечь за собою выгодныя или невыгодныя послѣдствія для тѣсно связанныхъ между собою интересовъ князя и его дружинниковъ; самый личный составъ думы не былъ органически опредѣленъ и слагался подъ условіями чисто фактическими. Было бы натяжкою искать слѣдовъ центральнаго управленія и въ немногочисленныхъ дворцовыхъ должностяхъ удѣльно-вѣчеваго періода, существовавшихъ на началахъ чисто частныхъ, но не государственныхъ;

только въ эпоху сложенія Московскаго государства должности эти становятся исходною точкою для образованія центральнаго управленія, подготовляя собою будущую систему дворцовыхъ и финансовыхъ приказовъ.

Мы позволили себѣ только что сдѣланное отступленіе съ цѣлью выяснить, въ основныхъ и самыхъ общихъ чертахъ, тѣ условія государственнаго строя Московскаго государства въ эпоху завершенія имъ своей централизаціонной дѣятельности, которыя вызвали историческую необходимость въ возникновеніи новыхъ началъ, новыхъ учрежденій, новыхъ институтовъ, новыхъ фазисовъ общественной организаціи какъ внѣшней, такъ и внутренней жизни объединенной русской земли.

И замѣчательное явленіе представляется глазамъ историка: жизнь сама создаетъ цѣлый рядъ новыхъ учрежденій, институтовъ и отношеній, создаетъ ихъ помимо законодательства, не успѣвающаго слѣдить за требованіями времени, создаетъ ихъ изъ частныхъ случаевъ и случайныхъ мѣропріятій, постепенно возводя ихъ отъ частнаго и случайнаго — къ общему, нерѣдко развивая ихъ даже въ цѣлыя системы, живущія и функціонирующія созидательною силою обычнаго права. Цѣлый рядъ явленій государственной и общественной жизни Московскаго государства, вполнѣ обрисовавшихся и развившихся во второй половинѣ XVI-го и въ теченіи XVII-го вѣка — глубоко хранятъ начальные корни свои въ двухвѣковомъ періодѣ сложенія Московскаго государства и упорно молчатъ на вопросы историка объ ихъ происхожденіи, объ ихъ эмбріологическомъ развитіи. Какъ постепенно, медленно, шагъ за шагомъ, незамѣтно для глазъ историка слагалось самое Московское государство, разомъ возставшее къ половинѣ XVI-го вѣка въ видѣ Московскаго царства, такъ же медленно, незамѣтно, безъ коренной ломки существующаго, безъ реформаціонныхъ кризисовъ, незамѣтно для глазъ изслѣдователя — развивалась большая часть будущихъ учрежденій и отношеній этого царства. Боярская дума, система приказовъ, земскіе соборы, помѣстная система, закрѣпленіе служилаго класса, мѣстничество, система воеводскаго управленія, расширеніе губнаго права — все это такія явленія жизни Московскаго государства, происхожденіе или первоначальное развитіе которыхъ таинственною завѣсою скрыто отъ глазъ историка, давая лишь обильную арену для ряда предположеній, догадокъ, гипотезъ.

Въ числѣ цѣлаго ряда явленій жизни Московскаго государства

находящихся въ такомъ именно положеніи съ точки зрѣнія ихъ историческаго изученія—стоятъ *Московская Боярская Дума* и система *Московскихъ Приказовъ*. Къ концу XVI-го вѣка и Боярская Дума и Приказы являются передъ нами уже съ опредѣленнымъ личнымъ составомъ, съ опредѣленною организаціею и предметами вѣдомства, но предшествующая исторія этихъ установленій представляется до сихъ поръ лишь гадательною.

Болѣе посчастливилось въ дѣлѣ исторической разработки Боярской Думѣ, имѣющей обстоятельнаго изслѣдователя въ лицѣ профессора В. О. Ключевскаго. Менѣе посчастливилось въ этомъ отношеніи Приказамъ. Мы имѣемъ лишь изслѣдованія болѣе или менѣе общаго характера, затрогивающія вопросъ объ исторіи приказовъ, но не имѣемъ сколько-нибудь полной исторіи не только приказовъ во всей ихъ совокупности, но не имѣемъ даже исторіи отдѣльныхъ, хотя бы только наиболѣе важныхъ, приказовъ. До сихъ поръ историческая наука не могла разобраться даже въ классификаціи и распредѣленіи по вѣдомствамъ обширной системы отдѣльныхъ приказовъ XVII-го вѣка, не говоря уже объ исторіи ихъ и ихъ возникновеніи въ эпоху формаціи Московскаго государства. А это пробѣлъ весьма существенный, такъ какъ приказамъ и лицамъ, ими управлявшимъ, суждено было играть громадную роль въ историческихъ судьбахъ русскаго государства. Между тѣмъ, пробѣлъ этотъ имѣетъ свое объясненіе. Приказы не имѣли, подобно позднѣйшимъ Петровскимъ коллегіямъ, какихъ либо «регламентовъ», «инструкцій» или «наказовъ». Вся ихъ организація, равно какъ и ихъ дѣятельность—почти всецѣло зиждились на государственномъ обычномъ правѣ, вслѣдствіе чего почти единственнымъ источникомъ для исторіи приказовъ, за исключеніемъ скудныхъ указаній законодательныхъ памятниковъ, извѣстнаго сочиненія Котошихина и записокъ иностранцевъ — являются дошедшія до насъ записныя указныя книги, грамоты, указы, памяти и отписи, оставшіеся памятниками дѣятельности этихъ учрежденій. Правда, что масса памятниковъ этого рода помѣщена въ изданіяхъ Археографической Коммиссіи, — но эти памятники, большею частью случайно собранные здѣсь, не даютъ даже слабаго понятія о томъ неисчерпаемомъ богатствѣ аналогичнаго матеріала, который хранится въ нашихъ двухъ драгоцѣнныхъ московскихъ древнехранилищахъ — Архивѣ Министерства Юстиціи и Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. При настоящемъ положеніи русской исторической науки (включая въ ея кругъ и науку исторіи русскаго права) — врядъ ли

возможно подвинуть впередъ разработку исторіи московскихъ приказовъ безъ разработки матеріаловъ, сохраняемыхъ въ этихъ архивахъ; мнѣ пришлось лично убѣдиться въ этомъ, когда, собирая матеріалъ по исторіи именно приказовъ, я остановился, подавленный и пораженный,—передъ громадностью и богатствомъ интереснаго архивнаго матеріала этихъ двухъ замѣчательныхъ древнехранилищъ. Трудъ единичнаго лица — безсиленъ передъ этимъ подавляющимъ матеріаломъ: здѣсь требуются усилія многихъ десятковъ тружениковъ, мало того, — здѣсь требуются усилія цѣлыхъ поколѣній ихъ...

Къ числу такихъ тружениковъ долженъ быть, несомнѣнно, причисленъ и Н. П. Лихачевъ, авторъ изслѣдованія «*Разрядные дьяки XVI вѣка*» (СПБ., 1888 г.), основаннаго на богатомъ архивномъ матеріалѣ «разрядныхъ книгъ».

Уже самое заглавіе труда г. Лихачева даетъ видѣть, что трудъ этотъ—не только не исчерпываетъ исторіи одного изъ важнѣйшихъ московскихъ приказовъ, Разряднаго, но не исчерпываетъ даже и исторіи этого приказа во взятомъ авторомъ XVI-мъ вѣкѣ, такъ какъ изслѣдованіе г. Лихачева, въ сущности своей, есть лишь *исторія разрядныхъ дьяковъ* до вступленія на престолъ Царствующаго Дома Романовыхъ.

Я едва-ли ошибусь, если буду утверждать, что изслѣдованіе г. Лихачева въ томъ видѣ, въ какомъ появилось оно въ свѣтъ—носитъ слѣды чисто случайнаго происхожденія; если буду настаивать на томъ, что г. Лихачевъ, приступивъ къ работамъ въ московскихъ архивахъ — самъ не предвидѣлъ, что результатъ ихъ отольется въ той формѣ, въ какой сведенъ онъ въ его трудѣ. Изъ третьей главы книги г. Лихачева становится яснымъ, что основною цѣлью его архивныхъ работъ—было изслѣдованіе въ области «разрядныхъ книгъ». Для этой цѣли г. Лихачеву необходимо было разобраться въ богатомъ архивномъ матеріалѣ, оставшемся наслѣдіемъ бывшаго Разряднаго приказа. И вотъ здѣсь нашъ изслѣдователь сталкивается съ недоумѣніемъ, съ которымъ сталкивается всякій изслѣдователь, приступающій къ изученію архивнаго матеріала старыхъ московскихъ приказовъ, недоумѣніе, съ которымъ сталкивался и пишущій эти строки: часто въ извѣстномъ актѣ не указано категорически приказа, по вѣдомству котораго онъ изданъ, а между тѣмъ, въ виду тѣхъ или другихъ научныхъ цѣлей или соображеній — знать это является необходимымъ для того, чтобы актъ этотъ получилъ необходимое освѣщеніе и научную

цѣнность [1]). Изслѣдователь прибѣгаетъ къ обыкновенному въ этомъ случаѣ пріему: онъ ищетъ ключъ къ разрѣшенію недоумѣнія въ подписи и скрѣпѣ акта, такъ какъ имя дьяка и подъячаго, подписавшихъ и скрѣпившихъ актъ—можетъ пролить свѣтъ на приказъ, по вѣдомству котораго этотъ актъ состоялся. Но и этотъ пріемъ далеко не всегда ведетъ къ цѣли: часто оказывается неизвѣстнымъ, въ какомъ именно приказѣ сидѣлъ въ данномъ году этотъ дьякъ или подъячій. Недоразумѣніе все-таки не разрѣшается. Приведенный въ отчаяніе изслѣдователь,—особенно въ томъ случаѣ, если актъ представляетъ для него интересъ,—глубоко сокрушается о томъ, что въ числѣ пособій русской историко-юридической науки не имѣется сколько-нибудь полнаго и удобнаго къ пользованію алфавитнаго и систематическаго (по приказамъ) списка дьяковъ [2]). Говорю все это на основаніи собственнаго опыта; я самъ постоянно наталкивался на только что указанныя затрудненія при моихъ неоднократныхъ занятіяхъ въ московскихъ архивахъ, съ цѣлью собиранія матеріала для исторіи московскихъ приказовъ. Эти затрудненія побудили меня составить лично для себя, главнымъ образомъ на основаніи всѣхъ изданныхъ актовъ и, отчасти, на основаніи архивныхъ данныхъ, списки лицъ, засѣдавшихъ въ приказахъ въ XVI и XVII вѣкахъ; эти списки, принесшіе уже мнѣ громадную практическую пользу, я, по надлежащей обработкѣ ихъ, не теряю надежды издать въ свѣтъ. Рѣшаюсь утверждать, что г. Лихачевъ столкнулся съ указанными затрудненіями и, подъ вліяніемъ ихъ, отвлеченный, со свойственнымъ молодымъ ученымъ увлеченіемъ, съ первоначальнаго пути своихъ архивныхъ занятій—сосредоточился на возстановленіи приказныхъ дьяковъ. Но здѣсь г. Лихачевъ столкнулся съ такимъ безпредѣльнымъ богатствомъ архивнаго матеріала, которое, въ силу необходимости, заставило его ограничить предѣлы своихъ работъ: онъ ограничиваетъ ихъ Разряднымъ приказомъ. Но и эти предѣлы оказываются непосильными для молодаго ученаго, стѣсненнаго недостаткомъ времени: онъ еще болѣе урѣзываетъ предѣлы своихъ работъ—и заключаетъ ихъ въ

[1]) Извѣстно, что распредѣленіе предметовъ вѣдомства между отдѣльными приказами—было весьма запутаннымъ, и разобраться въ этой запутанности—дѣло крайне нелегкое даже и для опытнаго изслѣдователя.

[2]) Если не считать устарѣвшихъ для современнаго состоянія науки перечисленій лицъ, управлявшихъ приказами, помѣщенныхъ въ статьѣ «Московскіе и другіе старинные приказы», напечатанной въ XX-й части «Древней Россійской Вивліоѳики».

кругъ изслѣдованія дьяковъ Разряднаго приказа въ XVI-мъ вѣкѣ, или, вѣрнѣе — до конца смутнаго времени.

Таково несомнѣнное для меня происхожденіе изслѣдованія г. Лихачева. Этимъ происхожденіемъ его объясняются многія особенности книги, большая часть которыхъ вполнѣ ясно сознается самимъ авторомъ. Г. Лихачевъ самъ сознается, что книга его «должна вызвать упреки въ *мозаичности, неравномѣрной обработкѣ частей*, въ *сухости изложенія* и *игнорированіи иногда весьма важныхъ сторонъ вопроса*»; онъ, далѣе, вполнѣ чистосердечно признаетъ, что виною только что указаннаго является «*мелочность* и *отрывочность* тѣхъ, почерпнутыхъ въ разнообразныхъ источникахъ, *фактовъ и указаній*, изъ которыхъ приходилось составлять связное цѣлое». Всѣ эти нареканія, предъявляемыя авторомъ по своему собственному адресу—вполнѣ справедливы и доказываютъ безпристрастность автора къ самому себѣ. Съ другой стороны, эти особенности изслѣдованія вполнѣ объяснимы. Подавленный богатствомъ архивнаго матеріала — авторъ разбросался: напавши на извѣстный вопросъ—онъ усердно принимается за его разработку,—но при этомъ со всѣхъ сторонъ передъ нимъ возстаютъ изъ архивной пыли новые факты, новыя соображенія, новыя мысли; изслѣдователь хватается за новый вопросъ—а, между тѣмъ, передъ нимъ роковымъ образомъ поднимаются все новые и новые вопросы, подвертываются мелочи, детали основнаго вопроса, на которыхъ молодой ученый останавливается съ бо́льшимъ усердіемъ, чѣмъ бы слѣдовало, и, самъ того не замѣчая, невольно выкладываетъ *мозаику*, стоющую ему непомѣрнаго труда и много времени [1]).

Единственно только-что высказаннымъ нами — объясняемъ мы какъ «мозаичность» работы, съ которою соглашается самъ авторъ, такъ и другія особенности изслѣдованія г. Лихачева: разбросан-

---

[1]) Эта особенность,—эта, такъ сказать, детальная *завлекательность* архивной работы,—хорошо знакома всякому, работавшему въ архивахъ. Съ другой стороны—это явленіе весьма опасное для молодаго ученаго, подвергающее его риску запутаться въ мелочахъ, упустивъ изъ вида важное и существенное. Вотъ почему мы думаемъ, что факультетамъ, командирующимъ своихъ молодыхъ кандидатовъ для занятій въ архивахъ, не слѣдуетъ предоставлять ихъ самимъ себѣ, но слѣдуетъ ясно начертать имъ опредѣленныя задачи работъ, поручивъ наблюденіе надъ этими работами администраціи архивовъ. Для молодаго, начинающаго ученаго — архивныя изслѣдованія неоцѣненны по своей пользѣ, но, въ силу сказаннаго выше — не лишены и извѣстной опасности, грозя размѣнять трудъ его на мелочи, грозя увлечь его въ безконечную пучину детальныхъ изслѣдованій.

ность содержанія, въ послѣдовательности котораго не всегда даже легко оріентироваться; масса черезъ чуръ уже мелочныхъ деталей, въ родѣ родословій и біографій цѣлаго ряда дьяковъ; громадное количество выписокъ, часто имѣющихъ весьма мало значенія для цѣлей изслѣдованія (напримѣръ цѣлыя мѣстническія дѣла); благодаря этому, изслѣдованіе г. Лихачева мѣстами принимаетъ характеръ конгломерата болѣе или менѣе мелочныхъ фактовъ и объемистыхъ выписокъ, ничего не доказывающихъ и не выясняющихъ, или же такихъ, вся доказательная сила которыхъ могла бы быть сведена къ нѣсколькимъ словамъ и даже къ простой цитатѣ. Масса такихъ эпизодическихъ вставокъ, въ особенности родословныхъ, только утомляетъ читателя и вредитъ цѣлостности изложенія, испещряя его кучею лишняго и часто микроскопически-ничтожнаго матеріала. Ужъ если г. Лихачевъ непремѣнно хотѣлъ сохранить въ книгѣ весь этотъ матеріалъ, всего удобнѣе было бы отвести ему мѣсто въ приложеніи къ книгѣ, какъ это сдѣлано, напримѣръ, въ незабвенномъ трудѣ Н. М. Карамзина.

Здѣсь считаемъ мы умѣстнымъ сдѣлать нѣсколько замѣчаній по поводу самой темы, избранной г. Лихачевымъ для своего изслѣдованія.

Тема эта должна быть признана въ высшей степени неблагодарною какъ съ точки зрѣнія чисто литературной, такъ и съ точки зрѣнія матеріала, представляющагося въ распоряженіе автора. Въ первомъ отношеніи книга является обреченною на преждевременное забвеніе. Научные результаты ея (разумѣя подъ наукою не сводъ отрывочныхъ архивныхъ и генеалогическихъ выписокъ, но извѣстныя обобщенія матеріала, дающія тѣ или другіе выводы, положенія и новыя данныя) — должны быть признаны весьма незначительными: нѣсколько именъ разрядныхъ дьяковъ, съ указаніемъ времени «сидѣнія» ихъ въ Разрядномъ приказѣ, нѣсколько соображеній относительно времени и порядка составленія «Государева родословца» — вотъ, въ сущности, всѣ научные результаты, къ которымъ приводитъ изслѣдованіе г. Лихачева. Значительное большинство положеній, приведенныхъ г. Лихачевымъ въ концѣ своего изслѣдованія — представляютъ собою положенія и истины, въ наукѣ исторіи русскаго права вполнѣ уже установившіяся и не требующія дальнѣйшаго своего доказательства. Съ точки зрѣнія источниковъ, тема г. Лихачева является неблагодарною въ томъ отношеніи, что самый матеріалъ, который можетъ привести въ предѣлахъ этой темы къ какимъ либо инте-

многіе пробѣлы могли бы быть восполнены по источникамъ собственно XVII-го вѣка, которые раскрыли бы много интереснаго и для исторіи Разряда до 1613-го года, — а такой пріемъ сужденія о предъидущемъ на основаніи послѣдующаго, въ силу закона исторической причинности и, въ особенности, въ виду чисто органическаго развитія государственныхъ учрежденій Московскаго періода, былъ бы вполнѣ цѣлесообразенъ и наученъ.

Мы, наконецъ, въ самомъ принципѣ не можемъ согласиться съ постановкою задачи, принятой на себя г. Лихачевымъ,—конечно только въ томъ случаѣ, если мы будемъ смотрѣть на его трудъ съ точки зрѣнія *научнаго изслѣдованія*, а не простаго конгломерата *историческаго матеріала*. Въ самомъ дѣлѣ: возможно ли при современныхъ состояніи и требованіяхъ исторической науки — изучать данное учрежденіе, поставивъ его внѣ связи съ другими, однородными ему, учрежденіями и проявленіями исторической жизни, и, мало того — совершенно обособивъ лишь извѣстный періодъ его существованія? Можно ли изучать Разрядный приказъ, вырвавъ его изъ органической связи съ другими вопросами исторіи русскаго государственнаго права и, въ частности, съ исторіею боярской думы и остальныхъ, хотя бы важнѣйшихъ приказовъ? При такой узкой постановкѣ задачи, выполненіе послѣдней невольно свелось къ ряду родословій дьяковъ и излишнихъ деталей, часто заставляющихъ лишь жалѣть о массѣ затраченнаго авторомъ времени и труда. Въ этомъ отчасти сознается и самъ авторъ, заявляя на страницѣ 229-ой своей книги, что его попытка походитъ «болѣе на сводъ матеріаловъ, чѣмъ на законченное изслѣдованіе».

Покончивъ съ замѣчаніями относительно самой темы г. Лихачева, относительно ея постановки и выполненія, — переходимъ къ систематическому разсмотрѣнію самаго содержанія его книги.

Изслѣдованіе г. Лихачева, кромѣ предисловія, распадается на четыре главы: I. Приказы и ихъ образованіе; II. Разрядный приказъ и первыя объ немъ свѣдѣнія; III. Разрядный приказъ въ половинѣ XVI вѣка и IV. Разрядные дьяки второй половины XVI и начала XVII столѣтія.

Познакомимся съ сущностью каждой главы книги г. Лихачева въ отдѣльности.

I.

Первая глава книги г. Лихачева, посвященная *общимъ вопросамъ о приказахъ и времени ихъ происхожденія*, начинается повторе-

ніемъ, получившихъ значеніе аксіомы, положеній о томъ, что приказы происхожденіемъ своимъ уходятъ въ глубь XV-го вѣка и что они составляли продуктъ историческаго хода государственной жизни. Замѣтимъ только, что это послѣднее положеніе, изложенное въ нѣсколькихъ строкахъ, могло бы быть развито въ трудѣ г. Лихачева болѣе обстоятельнымъ образомъ; можно было бы сказать поподробнѣе о связи происхожденія и постепеннаго роста приказовъ съ совершающимся дѣломъ централизаціи и расширенія Московскаго государства; слѣдовало бы остановиться на вопросѣ о «третяхъ» и «четяхъ», бывшихъ исходнымъ пунктомъ развитія важнѣйшихъ приказовъ, и выяснить историческое значеніе и взаимное соотношеніе сперва трехъ (Разрядный, Посольскій и Помѣстный), а затѣмъ четырехъ (тѣ же и Казанскій Дворецъ) основныхъ приказовъ, бывшихъ въ XVI вѣкѣ какъ бы приказами par excellence; здѣсь можно было бы многое уяснить въ вопросѣ о думномъ дьячествѣ и въ томъ извѣстномъ свидѣтельствѣ, что до половины XVII-го вѣка количество думныхъ дьяковъ никогда не было болѣе четырехъ. Но объ этомъ ниже скажемъ мы подробнѣе.

Отмѣтимъ здѣсь, кстати, одно весьма странное положеніе, выдвигаемое г. Лихачевымъ въ вопросѣ о происхожденіи приказовъ и идущее совершенно въ разрѣзъ съ установившимися научными взглядами. Для этого мы должны возвратиться къ предисловію книги. Здѣсь, на стран. X—XI, мы читаемъ слѣдующее: «Московскіе приказы учрежденія такого типа, котораго мы не найдемъ *въ древней Руси*: онъ сложился подъ непосредственнымъ дѣйствіемъ совокупности новыхъ потребностей». Все сказанное въ этой фразѣ—совершенная аксіома, противъ которой никто не станетъ спорить; но, вслѣдъ за этимъ, г. Лихачевъ считаетъ нужнымъ дополнить эту общеизвѣстную аксіому слѣдующимъ, уже своимъ собственнымъ, соображеніемъ: «*Контора вотчинника* замѣнилась рядомъ учрежденій съ государственнымъ оттѣнкомъ». Если подъ названіемъ *древней Руси* авторъ разумѣетъ Русь удѣльно-вѣчевую (что несомнѣнно, такъ какъ по отношенію къ XVI-му вѣку эпоха централизаціи *древнею* назваться не можетъ), въ такомъ случаѣ онъ впадаетъ въ грубое заблужденіе; послѣ ряда изслѣдованій К. С. Аксакова, И. Д. Бѣляева, В. Н. Лешкова и, въ особенности, послѣ классическаго труда В. И. Сергѣевича («Вѣче и Князь») врядъ ли можетъ раздаться отошедшее въ область исторіи науки мнѣніе о господствѣ вотчиннаго начала въ Руси удѣльно-вѣчевой, съ ея вѣчевою организаціею, съ ея договорнымъ началомъ, съ ея системою

«добыванія» князьями столовъ, съ ея своеобразными отношеніями между князьями, дружиною и земщиною. Желательно думать, что въ цитированномъ мѣстѣ книги г. Лихачева мы имѣемъ дѣло съ недоразумѣніемъ, обмолвкою, но отнюдь не съ научнымъ воззрѣніемъ автора.

Высказавъ общеизвѣстное положеніе о происхожденіи приказовъ вообще, г. Лихачевъ переходитъ къ пресловутому и избитому *вопросу о бюрократическомъ или коллегіальномъ началѣ въ организаціи приказовъ*. Этому вопросу отведено цѣлыхъ 18 страницъ, на пространствѣ которыхъ авторъ не рѣшаетъ, тѣмъ не менѣе, поставленнаго имъ вопроса, высказавшись, однако, за коллегіальность приказовъ и далеко не доказательно отвергая противныя мнѣнія К. Д. Кавелина, Ѳ. М. Дмитріева, Ѳ. И. Леонтовича и другихъ ученыхъ. Мы, собственно, не понимаемъ, изъ за чего полемизируетъ г. Лихачевъ на этихъ 18-ти страницахъ своего труда, такъ какъ изъ общаго духа его разсужденій въ области этого вопроса становится,—и притомъ, совершенно неожиданно, — яснымъ, что авторъ и самъ не является сторонникомъ чистой коллегіальности приказовъ, но скорѣе склоняется къ господствующему въ настоящее время въ наукѣ среднему мнѣнію проф. И. Е. Андреевскаго, называемому г. Лихачевымъ *совершенно справедливымъ*; это среднее мнѣніе утверждаетъ, что «трудно приложить понятія бюрократіи или коллегіи къ древнему патріархальному учрежденію нашихъ приказовъ». Если это мнѣніе «совершенно справедливо»,— то о чемъ же полемизируетъ авторъ? Любопытно, что самъ же авторъ, ломающій копья за коллегіальность приказовъ, вслѣдъ за цитатою изъ И. Е. Андреевскаго, высказывается еще категоричнѣе: «никто не думалъ о систематическомъ проведеніи извѣстнаго юридическаго начала; дѣлали дѣло, какъ повелось, не заботясь, что *принципъ единоличнаго управленія смѣшивается съ принципомъ коллегіальности*» (стр. 13). Еще выше (стр. XI предисловія) авторъ также замѣчаетъ, что «въ Московской Руси не заботились о строгомъ проведеніи въ государственномъ управленіи бюрократической или коллегіальной системы». Ратуя за коллегіальное устройство приказовъ, г. Лихачевъ ссылается на «товарищество» московскихъ приказныхъ людей. Это доказательство совсѣмъ не убѣдительно: вѣдь и современные намъ прокуроры имѣютъ своихъ «товарищей», но врядъ ли дастъ это будущему историку нашей прокуратуры право видѣть здѣсь признакъ коллегіальности въ организаціи этого института. Такъ же мало убѣдительны ссылки на увѣщанія (по отно-

шенію, впрочемъ, къ воеводамъ) дѣлать дѣла «вопче», «за одинъ», «безъ розни», «чтобы государеву и земскому дѣлу въ томъ порухи не было»; послѣдняя аргументація ясно показываетъ, что здѣсь идетъ рѣчь *о розни* только съ точки зрѣнія ссоръ, пререканій (наприм. изъ за личныхъ или мѣстническихъ счетовъ), но отнюдь не съ точки зрѣнія требованія коллегіальности рѣшеній. Напротивъ, возможность появленія такихъ приказовъ, какъ: «Четь дьяка Дружины Петелина», «Четь дьяка Андрея Щелкалова», «Четь дьяка Варѳоломея Иванова» — даютъ сильный доводъ въ пользу бюрократическаго начала въ организаціи этихъ учрежденій. Впрочемъ, дальнѣйшій разборъ доводовъ г. Лихачева въ области этого вопроса — излишенъ, такъ какъ для насъ становится яснымъ уже изъ приведенныхъ выше его же собственныхъ словъ, что, не признавая господства въ организаціи приказовъ чистаго бюрократическаго начала, нашъ авторъ не признаетъ въ ней и чистаго коллегіальнаго начала, придерживаясь господствующаго средняго мнѣнія, формулированнаго въ цитированныхъ выше словахъ И. Е. Андреевскаго. Такимъ образомъ, вся аргументація г. Лихачева въ вопросѣ о бюрократическомъ или коллегіальномъ устройствѣ приказовъ, изложенная на цѣлыхъ 18-ти страницахъ — теряетъ свое значеніе и свою raison d'être.

Остальная часть первой главы труда г. Лихачева (стран. 23—70) посвящена *вопросу о времени возникновенія приказовъ*. Вслѣдъ за большинствомъ нашихъ историковъ, г. Лихачевъ высказываетъ общепризнанное положеніе, что начало важнѣйшихъ приказовъ должно быть отнесено къ концу княженія великаго князя Іоанна III-го. При этомъ авторъ излагаетъ указанія на приказныхъ дьяковъ и приказы, сохранившіеся отъ первой половины XVI-го вѣка, стараясь при этомъ провѣрить свидѣтельство Г. Успенскаго (въ его «Опытѣ повѣствованія о древностяхъ русскихъ») относительно древнѣйшихъ указаній на существованіе приказовъ: Разряднаго — въ 1535 г., Большаго Дворца — въ 1501 г., Ямскаго — въ 1516 г. и Конюшеннаго — въ 1553 году. По отношенію къ Конюшенному приказу г. Лихачевъ отодвигаетъ свидѣтельство Г. Успенскаго даже слишкомъ на 50 лѣтъ назадъ, приводя указаніе на «конюшенныхъ дьяковъ» отъ 1496-го года. Мы совершенно согласны съ тѣмъ, что указанія въ источникахъ на «дьяковъ» того или другаго вѣдомства, если и не даютъ еще прямаго свидѣтельства о существованіи въ данную эпоху приказа, то, во всякомъ случаѣ, уже указываютъ на ту или другую организацію, подготовившую возник-

новеніе будущаго приказа. Для другихъ приказовъ г. Лихачевъ указываетъ свидѣтельство объ ихъ существованіи: для Казеннаго Двора — 1493 г., для Ямскаго приказа — 1492 г. (указаніе на «ямскаго дьяка») и 1555 г. (указаніе на «ямскую избу»), для Разбойнаго приказа — 1552 г.; для приказовъ Холопьяго, Земскихъ, Челобитнаго и Посольскаго — г. Лихачевъ указываетъ время ихъ древнѣйшаго существованія лишь предположительно. Странно, что, говоря о древнѣйшихъ указаніяхъ на существованіе приказовъ, г. Лихачевъ упускаетъ изъ вида весьма важный Помѣстный приказъ, о существованіи котораго въ 1555—1556 гг. мы имѣемъ несомнѣнныя указанія въ свидѣтельствѣ о дьякахъ, «у которыхъ помѣстныя дѣла въ приказѣ»; въ этихъ годахъ дьяками этими были именно: Василій Степановъ и Путила Нечаевъ (А. А. Э. I, № 246; Д. къ А. И. I, стр. 87 и 93). Укажемъ затѣмъ, что свидѣтельство о существованіи Разбойнаго приказа, взамѣнъ 1552-го г., даваемаго г. Лихачевымъ, можетъ быть отодвинуто до 1539-го года (Д. къ А. И. I, № 31); укажемъ и на то, что г. Лихачевъ могъ бы найти указаніе на существованіе въ 1545-мъ году Новгородской Чети, съ дьякомъ Истомою Новгородовымъ (А. А. Э. III, № 194).

Оговорившись относительно того обстоятельства, что многіе факты, имъ приведенные, могутъ показаться «недостаточными или произвольно истолкованными», и справедливо оправдывая себя тѣмъ, что «безъ гипотезъ и вѣроятныхъ объясненій нельзя обойтись въ изслѣдованіи», — г. Лихачевъ заканчиваетъ первую главу своего труда вполнѣ вѣрнымъ положеніемъ, что «многое въ исторіи приказовъ, сравнительно съ существующими мнѣніями — должно быть отодвинуто на значительное число лѣтъ назадъ». Въ этомъ отношеніи авторъ приводитъ весьма любопытный примѣръ. Извѣстно, что начало Аптекарскаго приказа принято пріурочивать къ первой четверти XVII-го вѣка; между тѣмъ, г. Лихачевъ отыскалъ въ первомъ томѣ «Писцовыхъ книгъ», изданныхъ въ 1877 г. И. Р. Географическимъ Обществомъ, вполнѣ ясное и опредѣлительное свидѣтельство о существованіи этого приказа до 1594-го года.

II.

Во второй главѣ своего труда г. Лихачевъ вводитъ насъ въ область вопроса о *времени образованія Разряднаго приказа*, возстановляетъ древнѣйшее свидѣтельство о личномъ составѣ этого учрежденія и характеризуетъ государственное и общественное значеніе приказнаго дьячества.

Глава открывается общимъ абрисомъ широкой компетенціи Разряда, причемъ на первой же страницѣ васъ непріятно поражаетъ крайне неудачная терминологія автора. Г. Лихачевъ указываетъ, что «основнымъ предметомъ вѣдѣнія Разряда было воинское дѣло во всѣхъ его подробностяхъ и все служилое *дворянство*». Историку непростительно не знать, что терминъ «дворянство», въ смыслѣ собирательнаго наименованія бывшаго служилаго класса, появляется у насъ уже послѣ Петра I, что даже при Петрѣ I-мъ пользовались для выраженія понятія будущаго дворянства заимствованнымъ терминомъ «шляхетство», и что въ Руси Московской слова «дворяне», «дворянинъ» — имѣли узко-опредѣленное значеніе: это было наименованіе лишь одного изъ разрядовъ, и притомъ низшаго, служилыхъ людей; городовые дворяне и дѣти боярскіе — олицетворяли въ себѣ низшій контингентъ служилаго класса, для котораго скромнымъ идеаломъ выслуги являлось быть записаннымъ «по московскому списку», получивъ чинъ «московскаго дворянина» или «жильца». Такъ же неудачна терминологія г. Лихачева и на стран. 135-й, гдѣ авторъ заявляетъ, что, говоря о «неродословности дьяковъ», онъ отнюдь не отрицаетъ «дворянства» ихъ. Подобнаго рода неологизмы не могутъ быть терпимы въ историческомъ изслѣдованіи, какъ вносящіе лишь путаницу понятій; здѣсь необходима ясная, общепринятая наукою терминологія.

Сдѣлавъ это небольшое отступленіе, переходимъ къ взглядамъ г. Лихачева на происхожденіе Разряднаго приказа. Ссылаясь на мнѣніе В. О. Ключевскаго, г. Лихачевъ высказываетъ предположеніе, что первоначальные и основные четыре приказа, — Посольскій, Помѣстный, Разрядный и Казанскій Дворецъ, — образовались въ качествѣ четырехъ отдѣленій думской канцеляріи; въ подтвержденіе этого предположенія авторъ ссылается на наименованіе «четвертей», которое носили эти приказы въ концѣ XVI-го в., и на извѣстное свидѣтельство о нихъ Флетчера.

Первоначальная исторія приказовъ покрыта непроницаемымъ туманомъ и даетъ, конечно, поводъ къ всевозможнымъ предположеніямъ и домысламъ въ области этого вопроса, тѣмъ болѣе, что приказы не были создаваемы государствомъ, какъ создавались впослѣдствіе коллегіи и министерства, но выработывались самою жизнью, созидались и развивались также постепенно, какъ постепенно, шагъ за шагомъ, выростало и само государство. Вотъ здѣсь то и слѣдуетъ искать исходную точку образованія приказовъ, а не въ накопленіи дѣлъ въ думской канцеляріи, тѣмъ болѣе, что ни

о какой думской «канцеляріи» мы свѣдѣній не имѣемъ даже и отъ XVII-го вѣка, и что самая организація государевой думы, прошедшая — то стадію фактическаго совпаденія ея личнаго состава съ личнымъ составомъ старшей дружины княжеской, то стадію думы «самъ-третей у постели», — окончательную организацію свою, съ которою она и продолжаетъ существовать въ теченіе всего XVII-го вѣка, получаетъ лишь при Іоаннѣ IV-мъ. При этомъ окажется, что не думные дьяки, въ смыслѣ начальниковъ приказовъ, выдѣлились изъ Государевой думы, но, наоборотъ, дьяки, какъ начальники приказовъ, были введены въ личный составъ думы, получивъ наименованіе «думныхъ». Это мнѣніе подкрѣпляется нижеслѣдующими соображеніями.

Съ быстрымъ ростомъ Московскаго государства, прежніе органы центральнаго управленія оказываются безсильными поддерживать строй жизни государства. Возникаютъ *порученія*, въ силу которыхъ опредѣленному лицу, пользующемуся довѣріемъ государя, поручается, «приказывается» вѣдать тотъ или другой родъ дѣлъ; этому лицу придается помощникъ — «товарищъ», нѣсколько подъячихъ для письмоводства — и вотъ вамъ эмбріонъ будущаго приказа. Изъ круга приказовъ подобнаго рода, среди которыхъ уже зарождаются (и, вѣроятно, очень рано, даже ранѣе эпохи, принимаемой г. Лихачевымъ) приказы дворцовые и фискальные, — особенное значеніе пріобрѣтаютъ три приказа: *Разрядный*, какъ вѣдающій служилый классъ и воинское дѣло, игравшее такую видную роль въ жизни слагающагося Московскаго государства, *Посольскій*, какъ вѣдающій расширяющіяся и требующія большаго такта сношенія съ чужими государствами, и *Помѣстный*, какъ вѣдающій раздачу помѣстій, бывшую основою организаціи службы. Вотъ — три основные приказа, являющіеся какъ бы приказами по преимуществу и рельефно выдѣляющіеся изъ сѣраго круга другихъ приказовъ, или еще не успѣвшихъ выяснить свою будущую физіономію, или еще не вышедшихъ изъ рамокъ личныхъ и случайныхъ порученій. Эти же три приказа служили и цѣлямъ областнаго управленія, которое также, въ силу быстраго распространенія территоріи и неудовлетворительности системы своей, неминуемо потребовало центральныхъ органовъ. Независимо отъ непосредственныхъ предметовъ своего вѣдомства, эти же три приказа вѣдаютъ и части государства, представляющія тѣсную связь съ этимъ основнымъ вѣдомствомъ ихъ. Разрядный приказъ вѣдаетъ ратное дѣло и, въ особенности, обереженіе государства отъ вторженія крымцевъ, ногайцевъ

и другихъ безпокойныхъ сосѣдей, грозившихъ южной границѣ его территоріи; а потому Разряду ввѣряется вѣданіе южно-русской украины, что продолжается, какъ извѣстно, и въ XVII-мъ вѣкѣ. Посольскій приказъ вѣдаетъ иноземныя сношенія, — и вотъ ему же ввѣряется вѣданіе западныхъ порубежныхъ областей, причемъ онъ со временемъ выдѣляетъ изъ себя цѣлый рядъ территоріальныхъ приказовъ (Новгородскій, Смоленскій, Малороссійскій и др.) Помѣстный приказъ вѣдаетъ раздачу помѣстій, а помѣстья раздавались, главнымъ образомъ, въ средней, центральной, части государства, — и вотъ онъ вѣдаетъ эти средніе уѣзды. Въ связи съ этимъ распредѣленіемъ государства на три района, и сами приказы эти носятъ наименованіе *третей*. Во второй половинѣ XVI-го вѣка совершается присоединеніе царствъ Казанскаго, Астраханскаго и Сибирскаго, и вслѣдъ за этимъ возникаетъ четвертый основной приказъ — *Казанскій Дворецъ* или Приказъ Казанскаго Дворца. Вмѣстѣ съ тѣмъ измѣняется и наименованіе этихъ основныхъ приказовъ: наименованіе *треть* уступаетъ мѣсто наименованію *четверть*. Теперь разъясняется для насъ и вопросъ о появленіи въ личномъ составѣ Государевой думы, съ конца XVI-го вѣка, новаго чина «думныхъ дьяковъ». Высокое значеніе, которое заняли въ государственномъ механизмѣ указанные выше четыре основные приказа — не могло оставлять ихъ внѣ самой тѣсной связи съ Государевою думою. Эта связь, эти соотношенія между названными приказами и думою — требовали постоянныхъ сношеній, взаимодѣйствія, единства въ дѣйствіяхъ. Ничѣмъ нельзя было проще и легче удовлетворить этому требованію, какъ привлеченіемъ въ личный составъ думы дьяковъ, стоявшихъ во главѣ указанныхъ четырехъ приказовъ. Іоаннъ IV и вводитъ ихъ въ личный составъ своей думы, подобно тому, какъ, за нѣсколько времени до этого, ввелъ въ нее новый чинъ «думныхъ дворянъ», служившій олицетвореніемъ принципа личной заслуги, пожалованія, и призванный смягчить господствовавшій въ думѣ принципъ рода. Конечно, и раньше дьяки, въ отдѣльныхъ случаяхъ, могли быть призываемы въ Государеву думу; но раньше участіе ихъ въ думѣ было чисто фактическаго характера, какъ чисто фактическаго характера былъ и самъ составъ Государевой думы,—теперь же участіе ихъ здѣсь получаетъ уже юридическую подкладку: дьякъ, сидящій въ одномъ изъ главныхъ приказовъ—*eo ipso* получаетъ право и обязанность числиться въ составѣ думы и, вмѣстѣ съ тѣмъ, получаетъ наименованіе дьяка «думнаго». По приведеннымъ сообра-

женіямъ, намъ представляется искусственно-дѣланнымъ, натянутымъ, положеніе, высказанное г. Лихачевымъ на стр. 79-й его изслѣдованія: «Когда служебныя военныя, гражданскія и дипломатическія назначенія сдѣлались на столько многочисленны, что для веденія имъ списковъ потребовалась при Думѣ особая канцелярія — тогда основанъ былъ Разрядъ».

Болѣе интереснымъ представляется возстановленіе г. Лихачевымъ древнѣйшаго, дошедшаго до насъ, личнаго состава Разряда относящагося, именно, къ 1535—1537 годамъ. Очевидно, что этотъ составъ Разряда 1535 г. былъ уже извѣстенъ Г. Успенскому, который въ своемъ «Опытѣ повѣствованія о древностяхъ русскихъ» ссылается на разрядныя книги 1535 г., въ которыхъ упоминаются разрядные дьяки этого года. Это указаніе Успенскаго циркулировало въ литературѣ и принималось на вѣру, хотя Успенскій не далъ ни точной ссылки на источникъ, ни перечисленія этихъ разрядныхъ дьяковъ. Честь возстановленія въ подлинникѣ указанія Успенскаго всецѣло принадлежитъ г. Лихачеву, который отыскалъ это подлинное извѣстіе въ двухъ рукописныхъ разрядныхъ книгахъ, принадлежащихъ, первая—Императорской Публичной Библіотекѣ, вторая — Московскому Обществу Исторіи и Древностей Россійскихъ. Оказывается, что въ 1535, 1536 и 1537 годахъ въ Разрядѣ сидѣли дьяки: *Елизаръ Цыплетевъ*, *Аѳонасій Курицынъ* и *Григорій Загряжской*, при которыхъ состояли двое подьячихъ — Леонтій и Иванъ Вырубовы. Вотъ точное и несомнѣнное указаніе на древнѣйшій изъ дошедшихъ до насъ составовъ Разряднаго приказа, за которое будущій историкъ послѣдняго будетъ г. Лихачеву весьма признателенъ. Возстановивъ личный составъ Разряда въ 1535—1537 г.г., г. Лихачевъ не довольствуется полною доказательностью цитируемыхъ имъ двухъ разрядныхъ книгъ и на цѣлыхъ 12-ти послѣдующихъ страницахъ (81—91) ищетъ подтвержденія ихъ сообщенію свидѣтельствомъ другихъ источниковъ и справками о дѣятельности исчисленныхъ выше лицъ. Мы не послѣдуемъ за авторомъ въ эту область нерѣдко совершенно излишнихъ и эпизодическихъ выписокъ, ссылокъ, біографическихъ и генеалогическихъ данныхъ, которыя, при наличности и несомнѣнности возстановленнаго г. Лихачевымъ извѣстія о составѣ Разряда 1535—1537 г.г., ничего существенно-важнаго въ вопросъ не вносятъ, свидѣтельствуя лишь о колоссальномъ трудолюбіи, терпѣніи и, доходящемъ до педантизма, кропотливомъ стремленіи автора твердо обосновать и безъ того уже несомнѣнное свидѣтельство цитируемыхъ имъ разрядныхъ книгъ.

Далѣе авторъ дѣлаетъ попытку возстановить нѣкоторыхъ разрядныхъ дьяковъ до 1535 года, пользуясь для этой цѣли подписями дьяковъ на правыхъ мѣстническихъ грамотахъ — но послѣ ряда безплодныхъ скитаній, на протяженіи цѣлыхъ 30-ти страницъ 92—123) своего труда, въ области мѣстническихъ дѣлъ, правыхъ грамотъ и указаній на «старые разряды»—слагаетъ на 123-й страницѣ оружіе, признавъ всѣ эти извѣстія на столько «скудными» и «смутными», что онъ вынужденъ оставить этотъ «подборъ разрядныхъ дьяковъ» за время до 1535 года. Очевидно, что вся эта часть труда г. Лихачева — результатъ его неувѣнчавшихся успѣхомъ изысканій въ области эпохи, предшествовавшей 1535 году, въ силу чего всѣ эти 30 страницъ могли бы быть, безъ ущерба для книги, или сведены въ нѣсколько десятковъ строкъ или даже и быть вовсе выпущенными. Педантичность автора и здѣсь сказывается во всей своей силѣ: онъ силится обставить полною доказательностью не только положительные результаты своихъ работъ, но даже и отрицательные результаты ихъ; на цѣломъ почти печатномъ листѣ излагаетъ онъ постепенный ходъ своихъ изысканій, и все это лишь для того, чтобы, въ концѣ концовъ, заявить, что онъ—не пришелъ къ желаемому результату. Не ставя этого пріема въ укоръ автору, мы объясняемъ его — какъ неопытностью, не дающею ему возможности обставить свою работу опредѣленными и вполнѣ положительнаго характера рамками, такъ, въ особенности, и чисто субъективнымъ побужденіемъ автора: ему жаль безслѣдно бросить массу потраченнаго труда, массу добытыхъ свѣдѣній — и онъ цѣликомъ вноситъ ихъ въ свою книгу, не заботясь о томъ, что эти свѣдѣнія ничего не внесутъ въ нее новаго.

Объемистая вторая половина второй главы книги г. Лихачева (стр. 124—226) всецѣло посвящена *вопросу о дьякахъ вообще*, объ ихъ значеніи и о той роли, которую они играли въ современномъ обществѣ.

Въ этой части своего труда г. Лихачевъ примыкаетъ къ установившемуся уже въ наукѣ воззрѣнію на важное значеніе дьяковъ-правителей приказовъ, являвшихся главными двигателями всего государственнаго механизма. Это положеніе,—замѣтимъ отъ себя,—является особенно вѣрнымъ для эпохъ, предшествующихъ половинѣ XVII-го вѣка, когда въ четыре основные приказа, а въ томъ числѣ и въ Разрядный, начинаютъ назначаться, въ качествѣ начальниковъ, и другіе высшіе представители думныхъ чиновъ — бояре, окольничіе и думные дворяне, которые и заслоняютъ теперь

собою значеніе думныхъ дьяковъ, низведенныхъ, если не фактически, то юридически — на степень ихъ товарищей.

Проводя взглядъ на неродословность дьячества, спасавшую его отъ соперничества съ боярствомъ, г. Лихачевъ весьма послѣдовательно распространяетъ извѣстное свидѣтельство Котошихина о томъ, что «дьяки во дьяцы бываютъ пожалованы изъ дворянъ московскихъ и изъ городовыхъ»—и на предшествующій XVI-й вѣкъ. Г. Лихачевъ выставляетъ и вполнѣ доказываетъ положеніе, что въ XVI-мъ вѣкѣ «большинство дьяковъ происходило изъ служилаго класса». Авторъ весьма удачно прослѣживаетъ даже происхожденіе нѣкоторыхъ важнѣйшихъ дьяческихъ фамилій. Такъ, напримѣръ, дьякъ Алексѣй Полуехтовичъ—оказывается по происхожденію второстепеннымъ бояриномъ Ярославскаго княжества; дьяки Мамыревы — ведутъ свой родъ отъ ярославскихъ и ростовскихъ вотчинниковъ; дьяки Карачаровы — ведутъ свой родъ отъ верейскихъ вотчинниковъ и т. д. Мало этого: г. Лихачевъ приводитъ даже данныя въ подтвержденіе того, что во многихъ родахъ дьяческая и «дворянская» служба—шли параллельно. Эта весьма любопытная, часть труда г. Лихачева иллюстрируется цѣлою массою доводовъ, нерѣдко принимающихъ форму объемистыхъ выписокъ и цитатъ, какъ изъ печатныхъ, такъ и изъ рукописныхъ и архивныхъ источниковъ. Г. Лихачевъ оттѣняетъ значеніе дьячества въ XVI-мъ и въ XVII-мъ вѣкахъ. Въ XVI-мъ вѣкѣ, когда дьяки имѣли несравненно большее значеніе — они мало добивались выхода въ высшіе чины, совершенно довольствуясь своимъ положеніемъ, тѣмъ болѣе, что самый выходъ ихъ въ эти чины былъ затруднителенъ. Напротивъ, въ XVII-мъ вѣкѣ, когда значеніе дьячества затемняется въ силу условій, указанныхъ выше, дьяки стремятся выдвинуть свои роды въ контингентъ служилыхъ придворныхъ чиновъ; были примѣры, — говоритъ г. Лихачевъ, — что въ XVII столѣтіи дьяки, достигшіе выдающагося значенія, выдвигали сыновей своихъ въ ряды придворныхъ служилыхъ людей, иногда проводя ихъ прямо въ стольники. Хотя г. Лихачевъ и не дѣлаетъ въ этомъ отношеніи оговорки, но мы, тѣмъ не менѣе, не сомнѣваемся, что онъ имѣетъ здѣсь въ виду *рядовое* дьячество, но не *думное* дьячество; думные дьяки уже сами по себѣ занимали четвертую ступень въ московской чиновной іерархіи, были чиномъ «думнымъ» и, во всякомъ случаѣ, ставили себя выше стольниковъ, обыкновенно выдвигавшихся изъ массы городовыхъ дворянъ и дѣтей боярскихъ.

Вслѣдъ за тѣмъ г. Лихачевъ переходитъ къ выясненію отношеній дьячества къ Думѣ. Соглашаясь съ общепризнаннымъ положеніемъ, что терминъ «думный дьякъ» — появляется лишь въ послѣдней четверти XVI-го в., г. Лихачевъ высказываетъ убѣжденіе въ томъ, что участіе дьяковъ въ Думѣ несомнѣнно даже и въ XV-мъ вѣкѣ и что позднѣйшее понятіе «думнаго дьяка», для предшествующихъ эпохъ—могло скрываться подъ другими наименованіями, какъ то: «дьякъ введеной», «дьякъ великій», «дьякъ Государевъ». Такого же воззрѣнія держится г. Лихачевъ и въ вопросѣ о происхожденіи думныхъ дворянъ, утверждая, что и они могли скрываться, до своего появленія подъ этимъ именно названіемъ (въ первый разъ являющимся въ 1572 г.), подъ другими наименованіями,—напримѣръ: «дѣтей боярскихъ, которые въ думѣ живутъ», «дѣтей боярскихъ ближняго чина» и т. п. При современномъ состояніи источниковъ трудно сказать что либо категорическое какъ за, такъ и противъ предположенія г. Лихачева, хотя, какъ мы видѣли выше, до Іоанна IV-го, т. е. до эпохи, когда составъ Государевой Думы получаетъ опредѣленную физіономію, участіе въ ней и другихъ служилыхъ чиновъ, кромѣ бояръ и окольничихъ, могло быть весьма вѣроятнымъ уже въ силу чисто фактическаго, случайнаго состава ея. Несомнѣнно только то, что до 1572 г. мы не встрѣчаемся съ терминомъ «думный дворянинъ», а до конца XVI-го вѣка — съ терминомъ «думный дьякъ». Только съ этого времени появляются эти два новыхъ думныхъ чина, которые отнынѣ, на ряду съ боярами и окольничими, засѣдаютъ въ Думѣ уже не въ силу *факта*, но въ силу *права*, засѣдаютъ здѣсь не случайно, но ex officio. Правда, на стран. 170—171 своего труда г. Лихачевъ ссылается на двѣ надгробныя надписи, находящіяся въ московскомъ Спасо-Андроньевѣ монастырѣ и будто бы гласящія о погребеніи здѣсь въ 1515-мъ году — «думнаго дворянина» Василія Ѳедорова сына Замятина», а въ 1516-мъ году — «думнаго дворянина вдовы Мавры Парфентьевой дочери Замятиной», но самъ же г. Лихачевъ утверждаетъ, что «съ увѣренностью можно сказать, что эти надгробныя надписи или сдѣланы въ позднѣйшее время, или искажены тѣмъ, кто ихъ списывалъ». Послѣднее всего вѣроятнѣе.

Вторая глава книги г. Лихачева заканчивается интересными соображеніями объ общественномъ значеніи приказныхъ дьяковъ. Авторъ, на основаніи цѣлаго ряда историческихъ данныхъ, приходитъ къ выводу, что общественное значеніе приказныхъ дьяковъ

, въ частности, дьяковъ разрядныхъ — было весьма значительно. то значеніе доказывается какъ родственными связями ихъ съ ыдающимися московскими служилыми родами, такъ, въ особенноги, ихъ громаднымъ вліяніемъ на теченіе государственныхъ дѣлъ. Іослѣднее особенно ярко иллюстрируется авторомъ на дѣятельноги извѣстныхъ воротилъ конца XVI-го вѣка — думныхъ дьяковъ Щелкаловыхъ.

III.

Мы видѣли, что въ предъидущей главѣ г. Лихачевъ весьма дачно возстановилъ личный составъ Разряда для 1535—37 говъ. Въ третьей главѣ своего труда, носящей заглавіе «Разрядный риказъ въ половинѣ XVI-го вѣка», — г. Лихачевъ прежде всего ѣлаетъ попытку возстановить личный составъ Разряда въ послѣующее тридцатилѣтіе, до 1565 года, когда свѣдѣнія о личномъ согавѣ его становятся уже осносительно опредѣленнѣе.

Здѣсь авторъ на первомъ же шагу наталкивается на почти епреодолимое препятствіе, заключающееся въ отсутствіи въ исочникахъ прямыхъ указаній на личный составъ Разряда въ полоинѣ XVI-го вѣка. Это препятствіе не можетъ быть преодолѣно и рхивными изысканіями, такъ какъ приказныя дѣла отъ этой эпохи охранились въ архивахъ въ весьма скудномъ числѣ. И вотъ вторъ нашъ, съ свойственными ему трудолюбіемъ, терпѣніемъ и ропотливостью, избираетъ косвенный путь къ возстановленію, отя бы и въ отрывочномъ видѣ, личнаго состава Разряда въ полоинѣ XVI вѣка.

При этомъ г. Лихачевъ отправляется отъ вполнѣ справедливаго оложенія о томъ, что изъ соображенія вѣдомствъ, по которымъ остоялись тѣ или другіе акты, и изъ именъ дьяковъ, скрѣпившихъ ги акты,—не трудно вывести заключеніе, что эти-то именно дьяки сидѣли въ приказѣ, предметъ компетенціи котораго обнимается гимъ вѣдомствомъ. Употребленный авторомъ пріемъ—вполнѣ раіоналенъ; утверждаю это по собственному опыту, такъ какъ мнѣ е рѣдко лично, и не безъ успѣха, приходилось пользоваться имъ. Въ числѣ источниковъ, изъ которыхъ могутъ быть почерпнуты казанія на разрядныхъ дьяковъ, авторъ указываетъ: разрядныя ниги и разряды, мѣстническія дѣла, десятные списки, писцовыя ниги и разнаго рода, дошедшіе до насъ, акты.

Опустивъ сомнительное (какъ сознается въ этомъ и самъ г. Лиачевъ) предположеніе о дьячествѣ въ Разрядѣ въ 1540-мъ году

Ивана Курицына, переходимъ къ возстановляемому г. Лихачевымъ *составу Разряда 1549-го года*. Онъ возстановляетъ этотъ составъ на основаніи «Указа о разрядствѣ воеводъ» 1550 года. Дѣйствительно, изъ этого акта является вполнѣ несомнѣннымъ составъ Разряда 1549—50 гг., выведенный г. Лихачевымъ, а именно: Иванъ Елизаровъ (Цыплетевъ), Андрей Васильевъ и Угримъ Львовъ.

Таковъ второй, по времени, изъ дошедшихъ до насъ составовъ Разряда, выясненный г. Лихачевымъ.

Мы снова опускаемъ предположеніе г. Лихачева о дьячествѣ въ Разрядѣ въ 1553—1555 г.г. Ивана Юрьева, какъ не имѣющее за собою несомнѣнныхъ данныхъ, и переходимъ къ попыткѣ автора выяснить дьяковъ, сидѣвшихъ въ Разрядѣ въ 1555—1556 годахъ.

Здѣсь авторъ беретъ исходною точкою отправленія «Сборникъ Новгородскихъ грамотъ» 1554—1556 г.г., принадлежащій Археографической Коммиссіи, изъ котораго только немного болѣе половины актовъ напечатано въ изданіяхъ коммиссіи. Грамоты эти посылались въ Новгородъ изъ Москвы, изъ различныхъ приказовъ. Г. Лихачевъ и дѣлаетъ весьма остроумную попытку выяснить принадлежность къ тѣмъ или другимъ приказамъ 14-ти дьяковъ, скрѣпившихъ эти грамоты, на основаніи предметовъ вѣдомствъ, которыхъ касаются эти послѣднія. Въ этомъ отношеніи авторъ приходитъ къ выводу, что изъ фигурирующихъ въ этихъ грамотахъ 14-ти дьяковъ, относятся: трое — къ Разрядному приказу (Андрей Васильевъ, Иванъ Елизаровъ и Иванъ Выродковъ), двое — къ Новгородской Четверти (Третьякъ Митрофановъ и Постникъ Губинъ), одинъ — къ Посольскому приказу (Иванъ Михайловъ), двое — къ приказу Большой казны (Юрій Сидоровъ и Петръ Даниловъ), двое — къ Помѣстному приказу (Василій Степановъ и Путило Михайловъ), двое — къ Ямскому приказу (Петръ Копьевъ и Иванъ Матцневъ), и одинъ — къ приказу Большаго Дворца (Угримъ Львовъ); вѣдомство одного дьяка (Ивана Безсонова) авторъ оставляетъ вопросомъ открытымъ.

И такъ, для 1555—1556 г.г. г. Лихачевъ выводитъ и *третій* по времени *личный составъ Разряднаго приказа*: Иванъ Елизаровъ (Цыплетевъ), Иванъ Григорьевъ Выродковъ и Андрей Васильевъ. Возстановивъ этотъ составъ Разряда, г. Лихачевъ не настаиваетъ на его безусловности, заявляя (стр. 284-я), что онъ придаетъ ему лишь значеніе «большой вѣроятности», но отнюдь не «достовѣрности». Мы тщательно прослѣдили весь процессъ анализа автора и,

съ своей стороны, можемъ подтвердить, что въ данномъ случаѣ «вѣроятность» выводовъ г. Лихачева, на нашъ взглядъ, почти совпадаетъ съ полною «достовѣрностью».

Остальная и значительнѣйшая часть третьей главы книги г. Лихачева (стран. 284—452) заключаетъ въ себѣ изслѣдованіе нѣкоторыхъ письменныхъ памятниковъ, въ которыхъ выражалась дѣятельность Разряда. Авторъ не задается трудно выполнимою, при настоящемъ положеніи источниковъ и ихъ разработки, задачею изслѣдованія *всѣхъ* остатковъ дѣлопроизводства Разряднаго приказа и останавливается лишь на *разрядныхъ книгахъ*, *государевомъ родословцѣ* и, отчасти, *книгахъ боярскихъ* и *десятняхъ*.

Этотъ отдѣлъ сочиненія г. Лихачева мы признаемъ наиболѣе выдающеюся частью его книги. Составляя почти половину всего ея текста — онъ носитъ характеръ совершенно самостоятельнаго изслѣдованія и не потерялъ бы ни своей цѣны, ни своего значенія, если бы и совершенно былъ выдѣленъ изъ книги въ видѣ отдѣльной монографіи. Мало того: въ общія рамки сочиненія г. Лихачева этотъ отдѣлъ какъ бы искусственно втиснутъ, вслѣдствіе чего и выдѣляется яркими красками на общемъ фонѣ труда автора. Дѣйствительно: задача книги г. Лихачева — изслѣдованіе «разрядныхъ дьяковъ XVI-го столѣтія»; къ возстановленію ихъ и ведетъ вся, проходящая черезъ книгу, нить кропотливыхъ изслѣдованій автора. И вдругъ на 284-ой страницѣ нить эта порывается вплоть до страницы 452-ой съ тѣмъ, чтобы дать мѣсто монографическому изслѣдованію о разрядныхъ книгахъ и родословцахъ, не ведущему даже къ достиженію основныхъ результатовъ, преслѣдованіемъ которыхъ задался авторъ въ своей книгѣ. А что изслѣдованіе о разрядныхъ книгахъ и родословцахъ, дѣйствительно, *искусственно* втиснуто въ третью главу книги г. Лихачева, на это ясно указываетъ и мотивъ, которымъ авторъ оправдываетъ появленіе здѣсь этой вставной монографіи. Г. Лихачевъ этимъ путемъ хочетъ подтвердить «существованіе Разряднаго приказа въ первой половинѣ XVI-го вѣка» (стр. 284); хочетъ имѣть основаніе утверждать, что «существованіе Разряднаго приказа въ половинѣ XVI-го столѣтія несомнѣнно свидѣтельствуется и пр.» (стр. 452). Этотъ мотивъ — весь искусственъ, такъ какъ существованіе Разряда въ половинѣ и даже въ первой половинѣ XVI-го вѣка — никѣмъ не оспаривается и, притомъ, въ предъидущемъ изложеніи своемъ, авторъ самъ же вывелъ личный составъ Разряда не только для половины XVI-го вѣка, но даже для 1535-го года. Ясно, такимъ об-

разомъ, что этотъ мотивъ искусственно подогнанъ лишь для оправданія эпизодическаго появленія въ изслѣдованіи «о разрядныхъ дьякахъ» — цѣлаго трактата о разрядныхъ книгахъ и родословцахъ. Появленіе здѣсь этого трактата мы объясняемъ иначе: еще со студенческой скамьи г. Лихачевъ (какъ это намъ лично извѣстно) занялся изысканіями въ области вопроса о разрядныхъ книгахъ, будучи натолкнутъ на этотъ вопросъ рукописною разрядною книгою, оказавшеюся въ библіотекѣ П. Ф. Лихачева (отца автора). Первое время архивныхъ занятій г. Лихачева — было также посвящено вопросу о разрядныхъ книгахъ, что усматривается изъ его отчета командировавшему его для этихъ занятій историко-филологическому факультету Казанскаго университета. Такимъ образомъ, изслѣдованіе разрядныхъ книгъ предшествовало у г. Лихачева изслѣдованію вопроса о разрядныхъ дьякахъ. Мы поддерживаемъ предположеніе, уже высказанное нами въ началѣ настоящаго отчета, что г. Лихачевъ лишь *натолкнулся* на необходимость изслѣдованія о разрядныхъ дьякахъ при изслѣдованіи разрядныхъ книгъ. Весьма естественно, что автору тяжело было поступиться своею основною работою — и вотъ онъ цѣликомъ вдвигаетъ ее, не безъ натяжки, въ изслѣдованіе о разрядныхъ дьякахъ XVI-го вѣка. Мы далеки отъ мысли укорять этимъ автора; напротивъ, трактатъ о разрядныхъ книгахъ и родословцахъ — составляетъ истинное украшеніе книги г. Лихачева.

Открываясь реферированіемъ и, отчасти, критическою оцѣнкою монографіи г. Милюкова: «Оффиціальныя и частныя редакціи древнѣйшей разрядной книги» («Чтенія Моск. Общ. Ист. и Др. Росс.» за 1887 г.), изслѣдованія г. Лихачевымъ разрядныхъ книгъ приводятъ его къ слѣдующимъ основнымъ выводамъ. Разрядныя росписи началомъ своимъ уходятъ въ XV-й вѣкъ; несомнѣнно, что такія росписи уже велись при в. к. Іоаннѣ III. Что касается веденія разрядныхъ подлинниковъ въ книгахъ — то начало его должно быть пріурочено къ первымъ годамъ XVI-го столѣтія. Затѣмъ авторъ переходитъ къ вопросу о составленіи первой разрядной книги, присоединяясь къ предположенію г. Милюкова, что первая разрядная книга была разомъ составлена за много лѣтъ назадъ, была составлена, такъ сказать — «заднимъ числомъ», изъ подлинныхъ разрядныхъ записей, въ виду возникшей, ради цѣлей практическаго примѣненія и, главнымъ образомъ, въ мѣстническихъ спорахъ, — потребности въ справочномъ указателѣ по разряднымъ дѣламъ; сюда вошли лишь росписи, составленныя послѣ новгородскаго по-

хода Іоанна III. Первую «Государеву перечневую разрядную книгу» г. Лихачевъ относитъ, по времени ея редакціи, къ 1553-му году. Что касается частныхъ разрядныхъ книгъ, то это, въ большинствѣ случаевъ, компиляціи, составленныя какъ изъ оффиціальныхъ разрядныхъ росписей, такъ и изъ частныхъ разрядныхъ записей, а также и изъ сводовъ лѣтописныхъ. Такія частныя разрядныя книги характеризуются ихъ разнообразіемъ, съ точки зрѣнія полноты и внутренняго содержанія, въ силу чего лишь съ большимъ трудомъ могутъ быть приведены къ основнымъ типамъ или редакціямъ; авторъ утверждаетъ это на основаніи изученія имъ 12-ти разрядныхъ книгъ этого рода.

Въ области изслѣдованія о «Государевомъ родословцѣ», существовавшемъ въ Разрядѣ на ряду съ разрядными книгами и служившемъ, вмѣстѣ съ послѣдними, основою для мѣстническихъ споровъ и рѣшеній, — г. Лихачевъ, какъ мы увидимъ это ниже, приходитъ къ выводу, что памятникъ этотъ составленъ въ 1555-мъ году, въ бытность начальникомъ Разряднаго приказа дьяка Ивана Елизарова (Цыплетева). Объемъ этого первоначальнаго «Государева родословца» г. Лихачевъ опредѣляетъ на основаніи хранящейся въ Московскомъ Архива Министерства Юстиціи «описи дѣлъ, вынесенныхъ изъ Разряда въ великій пожаръ 1626-го года». Здѣсь, въ числѣ вынесенныхъ документовъ, значится «книга родословная, въ кожѣ, 43 главы». И такъ, опредѣливъ объемъ «родословца» — 43 главы — г. Лихачевъ весьма удачно возстановляетъ и самое содержаніе этихъ главъ. Онъ пользуется для этой цѣли такъ называемою «Бархатною книгою», составленною на основаніи утраченнаго нынѣ первоначальнаго «родословца», спасеннаго въ пожаръ 1626 года. Росписаніе 44 главъ Бархатной книги авторъ сопоставляетъ съ содержаніемъ главъ пяти частныхъ рукописныхъ родословныхъ книгъ, хранящихся въ различныхъ учрежденіяхъ. Путемъ этого сопоставленія г. Лихачевъ приходитъ въ выводу, что въ Бархатной книгѣ получилось 44 главы, взамѣнъ 43-хъ главъ ея прототипа, благодаря тому, что въ ней 2-ая глава (генеалогическая роспись дома Рюрика) выпущена, но за то двѣ главы разбиты каждая на двѣ части, вслѣдствіе чего, вмѣсто 43-хъ главъ, образовалось ихъ уже 44. Вслѣдъ за этимъ г. Лихачевъ возстановляетъ полное росписаніе главъ стараго Государева родословца.

Г. Лихачевъ останавливается, затѣмъ, на вопросѣ о частныхъ родословныхъ сборникахъ и, прежде всего, устанавливаетъ важнѣйшее ихъ отличіе отъ Государева родословца. Государевъ родосло-

вецъ открывался извѣстною легендою о происхожденіи Рюрика съ братьями отъ Пруса, брата римскаго кесаря Августа, которую авторъ, въ противность мнѣніямъ, относящимъ ее къ царствованію Іоанна IV-го, пріурочиваетъ къ эпохѣ византійскихъ вѣяній въ княженіе Іоанна III; но за то здѣсь нѣтъ легендъ о происхожденіи «изъ нѣмецъ» родоначальниковъ московскихъ служилыхъ родовъ (единственное исключеніе — извѣстный Радша, родоначальникъ Застолбскихъ, Свибловыхъ, Товарковыхъ и др.). Напротивъ, частные родословцы — переполнены легендарными сказаніями о выѣздѣ родоначальниковъ фигурирующихъ здѣсь фамилій изъ «пруссъ», «изъ нѣмецъ» и т. п. Г. Лихачевъ объясняетъ это, присоединяясь къ мнѣнію г. Кобеко, тѣмъ, что, послѣ занесенія въ 1555-мъ году въ Государевъ родословецъ фантастическаго сказанія о происхожденіи отъ Пруса царствовавшаго дома Рюрика, выдающимся московскимъ служилымъ родамъ стало уже «обиднымъ» ихъ русское происхожденіе, — и вотъ въ ихъ частныхъ родословцахъ появляются такія же легендарныя сказанія о происхожденіи ихъ изъ «пруссъ», «нѣмецъ» и т. п. По мнѣнію г. Лихачева, фактъ отсутствія въ Государевомъ родословцѣ боярскихъ выѣздовъ «изъ Пруссъ»—говоритъ въ пользу относительно ранней эпохи составленія этого памятника. Мы видѣли, что авторъ нашъ пріурочиваетъ его къ 1555-му году; онъ вполнѣ логично приходитъ къ этому выводу изъ анализа текста Бархатной книги и, въ частности, главы этой книги, содержащей въ себѣ росписи царей Казанскихъ, Астраханскихъ и Крымскихъ.

Въ заключеніе авторъ останавливается на вопросѣ о «Книгѣ выѣзжихъ родовъ», существованіе которой онъ не безъ основанія предполагаетъ въ Разрядѣ наряду съ Государевымъ родословцемъ, и на вопросѣ о родословныхъ росписяхъ, подававшихся служилыми родами въ Разрядъ въ концѣ XVII-го вѣка. Эти росписи, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, совершенно недостовѣрны, наполнены измышленіями и основаны на подложныхъ грамотахъ; образецъ одной изъ нихъ авторъ приводитъ цѣликомъ, обѣщая со временемъ посвятить этому вопросу отдѣльную работу.

Замѣчаній г. Лихачева относительно боярскихъ книгъ и боярскихъ и десятныхъ списковъ — мы касаться не будемъ, такъ какъ вопросъ о нихъ затронутъ г. Лихачевымъ весьма поверхностно и имѣетъ въ конечной своей цѣли опять-таки совершенно излишнее стремленіе доказать, и безъ того безспорный, фактъ существованія Разряда въ половинѣ XVI-го вѣка (см. стр. 452).

Заканчивая обзоръ третьей главы книги г. Лихачева, считаю долгомъ еще разъ указать на прекрасно выполненную авторомъ монографическую работу въ области вопроса о разрядныхъ и родословныхъ книгахъ. Этотъ отдѣлъ я признаю лучшею и наиболѣе существенною частью изслѣдованій автора. Отдѣлъ этотъ получаетъ еще бо́льшую научную цѣнность въ виду массы выписокъ изъ архивнаго, бо́льшею частью еще неизданнаго, матеріала, освѣщеннаго надлежащимъ свѣтомъ критики и къ которому авторъ относится вполнѣ научно и честно, избѣгая натяжекъ и подогнанія отдѣльныхъ фактовъ подъ предвзятыя положенія, — печальный пріемъ, нерѣдко практикуемый въ историческихъ изслѣдованіяхъ.

IV.

Покончивъ съ Разряднымъ приказомъ въ первой половинѣ и въ половинѣ XVI-го вѣка, въ четвертой главѣ своего труда г. Лихачевъ переходитъ къ разряднымъ дьякамъ второй половины XVI-го и начала XVII-го вѣковъ (до воцаренія Михаила Ѳеодоровича).

«Намъ могутъ поставить въ упрекъ,—такъ заявляетъ самъ авторъ въ началѣ этой главы, — что мы намѣрены касаться не приказа, а исключительно его дьяковъ, между тѣмъ какъ при полномъ сводѣ и строгомъ изслѣдованіи наличныхъ матеріаловъ и при помощи анологіи съ фактами изъ слѣдующаго столѣтія, *повидимому*, возможно изложеніе исторіи Разряда, какъ учрежденія». Мы уже касались этого вопроса и, отчасти, сдѣлали автору упрекъ въ этомъ направленіи въ началѣ нашего отчета, почему распространяться болѣе въ этомъ отношеніи не будемъ, замѣтивъ лишь, что задача, указываемая самимъ г. Лихачевымъ, могла бы быть достигнута при указанныхъ условіяхъ не только *повидимому*, но, до извѣстной степени, *безусловно*.

Вся задача четвертой главы книги г. Лихачева сводится къ возстановленію преемственности разрядныхъ дьяковъ, сидѣвшихъ въ Разрядѣ съ 1566 года по 1612 годъ. Авторъ самъ оговаривается при этомъ, что его сводъ дьяковъ за указанный періодъ времени «конечно будетъ отличаться неполнотою, а весьма вѣроятно и ошибками».

Обратимся прежде всего къ тѣмъ источникамъ, помощью которыхъ г. Лихачевъ пытается возстановить разрядныхъ дьяковъ второй половины XVI-го вѣка. Съ этою цѣлью онъ пользуется ука-

заніями посольскихъ книгъ, записныхъ книгъ Разряда, царскими грамотами и указами, разрядными книгами, десятнями, памятями, отписями и, какъ главнымъ источникомъ—безсудными и правыми грамотами по мѣстническимъ дѣламъ. Авторъ смотритъ — какими дьяками скрѣплены тѣ или другіе акты, или какіе дьяки упоминаются въ нихъ, и затѣмъ, по соображенію вѣдомства, изъ котораго исходитъ актъ или которому онъ адресованъ—пріурочиваетъ и упоминаемыхъ въ немъ дьяковъ къ тѣмъ или другимъ приказамъ, т. е. пользуется тѣмъ же методомъ изслѣдованія, къ которому съ успѣхомъ прибѣгалъ въ предшествовавшихъ главахъ своего труда. Методъ этотъ,—весьма, какъ мы видѣли, надежный,—сослужилъ бы и теперь вѣрную службу автору, если бы г. Лихачевъ не примѣнилъ его слишкомъ безусловно къ мѣстническимъ грамотамъ.

Слѣдовало имѣть въ виду, что, хотя исполнительныя дѣйствія по мѣстническимъ дѣламъ и составляли предметъ вѣдомства Разряда, но самый судъ по дѣламъ этого рода принадлежалъ Государевой думѣ или, еще чаще, думскимъ коммиссіямъ. Мало того—нерѣдко мѣстническіе споры разбирались даже однимъ бояриномъ или окольничимъ, съ придачею ему въ помощь думнаго дьяка и подъячаго для письмоводства; мы имѣемъ, напримѣръ, челобитье боярина, который ходатайствовалъ передъ государемъ о томъ, чтобы его мѣстническое дѣло слушалось *только однимъ* бояриномъ,—«для многіе ссоры съ своею братьею»,—что и было уважено (Дворц. Разр., I, 410). Легко могло статься, что въ такую думскую коммиссію попадалъ дьякъ и не Разряднаго приказа, хотя и изъ приказныхъ дьяковъ, допущенныхъ въ думу [1]),—и тогда скрѣпа имъ правой грамоты уже не будетъ служить доказательствомъ принадлежности его къ Разряду.

Самъ же г. Лихачевъ приводитъ цѣлый рядъ примѣровъ, въ которыхъ правая мѣстническая грамота—скрѣпляется *не разряднымъ дьякомъ*, но дьяками другихъ приказовъ.

Такъ, въ 1573-мъ г. дьякъ Андрей Щелкаловъ, будучи въ При-

---

[1]) Каюсь чистосердечно, что въ 1879-мъ году, въ своей монографіи о Думѣ Боярской («Исторія права Московскаго Государства», т. II, вып. 1), я впалъ въ такое же заблужденіе, заявляя, что нерѣдко «государь указывалъ судить мѣстническій споръ одному боярину или окольничему, придавъ ему въ помощь *разряднаго* дьяка». Дѣло въ томъ, что этимъ вторымъ судьею могъ быть и неразрядный, хотя, во всякомъ случаѣ, *думный* дьякъ.

казѣ Казанскаго Дворда [1]), выдалъ правую грамоту по мѣстническому дѣлу князя Ѳедора Троекурова съ княземъ Юрьемъ Курлятевымъ («Разр. дьяки», стр. 465). Въ 1575-мъ г. тѣмъ же Андреемъ Щелкаловымъ скрѣплена невмѣстная грамота, — между тѣмъ Андрей Щелкаловъ въ Разрядѣ въ этомъ году не былъ, будучи дьякомъ Казанскаго Дворца, въ Разрядѣ же сидѣлъ Василій Щелкаловъ (ib., стр. 468). Точно также и въ послѣдующіе годы г. Лихачевъ констатируетъ «вмѣшательство Андрея Щелкалова въ разрядныя дѣла» путемъ скрѣпы имъ невмѣстныхъ грамотъ (ib. стр. 476), хотя онъ въ эти годы уже завѣдомо не былъ разряднымъ дьякомъ; въ данныхъ случаяхъ мы имѣемъ дѣло не съ «вмѣшательствомъ», но со скрѣпою имъ невмѣстныхъ грамотъ въ качествѣ дьяка, присутствующаго въ думѣ, которою мѣстническое дѣло и разбиралось. Затѣмъ г. Лихачевъ констатируетъ фактъ скрѣпы печатникомъ и посольскимъ дьякомъ Василіемъ Щелкаловымъ мѣстническаго дѣла (ib., стр. 480 — 481). Въ 1578-мъ г. судъ по мѣстническому дѣлу происходилъ при участіи дьяка Андрея Мяснаго, бывшаго въ этомъ году дьякомъ Помѣстнаго приказа (ib., стр. 486—487). Дьякъ Афонасій Демьяновъ, будучи дьякомъ Разбойнаго приказа, также принимаетъ въ 1593 и 1590 гг. участіе въ производствѣ мѣстническихъ дѣлъ: «Если бы не свидѣтельство Флетчера,—замѣчаетъ по этому поводу г. Лихачевъ,—мы должны были бы на основаніи этихъ указаній считать Демьянова старшимъ разряднымъ дьякомъ въ 1590-мъ году»; такимъ образомъ, если бы не Флетчеръ, г. Лихачевъ не преминулъ бы, на основаніи мѣстническаго дѣла, примкнуть въ своемъ спискѣ Аѳ. Демьянова къ разряднымъ дьякамъ 1590-года, какъ онъ это и дѣлаетъ во многихъ другихъ аналогичныхъ случаяхъ (ib., стр. 492). Въ 1589-мъ г. дьякъ Казанскаго Дворца Дружина Петелинъ объявляетъ приговоръ по мѣстническому дѣлу, тогда какъ разряднымъ дьякомъ былъ въ этомъ году Сапунъ Абрамовъ (ib., стр. 494 — 495). Въ 1589 г. тотъ же дьякъ Казанскаго Дворца Дружина Петелинъ скрѣпляетъ мѣстническую правую грамоту (ib., стр. 502). Въ 1599 г. дьякъ приказа Казанскаго Дворца Василій Нелюбовъ—точно также скрѣпляетъ мѣстническое дѣло.

---

[1]) Г. Лихачевъ, какъ кажется, ошибочно пріурочиваетъ Андрея Щелкалова въ 1573 году къ Посольскому приказу. Въ 1572-мъ году и затѣмъ въ 1581 и 1582-мъ гг. мы его видимъ въ Приказѣ Казанскаго Дворца (см. Д. къ Д. И. I, №№ 120, 127 и 128).

Что же вытекаетъ изъ всѣхъ этихъ фактовъ? А просто на просто то, что, вопреки мнѣнію г. Лихачева, припись дьяковъ на актахъ мѣстническаго производства — отнюдь не даетъ еще права причислять ихъ къ личному составу Разряда. Они дѣйствуютъ въ данныхъ случаяхъ — какъ члены Государевой думы и олицетворяютъ въ себѣ не компетенцію того или другаго приказа, но авторитетъ Государевой думы, какъ ближайшаго органа представителя верховной государственной власти. Мы, напримѣръ, видимъ случай, что въ 1579 г. дьякъ Андрей Щелкаловъ, будучи въ Посольскомъ приказѣ, сказываетъ отпускъ воеводамъ, т. е. исполняетъ функцію дьяка разряднаго («Разр. дьяки», стр. 476); даетъ ли это право причислить его къ составу Разряднаго приказа? Въ 1603 г. разрядный дьякъ Сапунъ Абрамовъ участвуетъ въ встрѣчѣ датскаго королевича (ib., стр. 520); служитъ ли это поводомъ видѣть въ немъ дьяка Посольскаго приказа? Въ 1579 г. дьяки разрядный и *посольскій*, вмѣстѣ съ княземъ И. Ѳ. Мстиславскимъ «съ товарищи» — участвуютъ въ боярскомъ приговорѣ о дачѣ дѣтямъ боярскимъ жалованья и т. д.

Изъ всѣхъ приведенныхъ выше примѣровъ съ несомнѣнною ясностью вытекаетъ, что дѣятельность приказныхъ дьяковъ, въ качествѣ присутствующихъ въ приказахъ, слѣдуетъ строго отграничивать отъ государственной дѣятельности ихъ, въ качествѣ членовъ Государевой думы. Къ функціямъ послѣдняго рода относится и участіе ихъ въ мѣстническомъ судѣ, — и г. Лихачевъ дѣлаетъ большую ошибку, возстановляя, яко бы разрядное, вѣдомство тѣхъ или другихъ дьяковъ — на основаніи ихъ участія въ мѣстническихъ дѣлахъ и скрѣпы ими мѣстническихъ грамотъ. Здѣсь уже лежитъ ключъ къ презумпціи о многочисленныхъ ошибкахъ г. Лихачева въ его спискѣ разрядныхъ дьяковъ второй половины XVI-го вѣка о вѣроятности которыхъ авторъ, впрочемъ, и самъ оговаривается въ началѣ четвертой главы своей книги.

Что же дѣлаетъ г. Лихачевъ въ виду такихъ, повидимому противорѣчивыхъ, фактовъ, какъ участіе дьяковъ другихъ приказовъ въ исключительныхъ, по его мнѣнію, функціяхъ Разряднаго приказа, къ которымъ онъ относитъ и участіе въ мѣстническихъ дѣлахъ? Г. Лихачевъ прибѣгаетъ въ подобныхъ случаяхъ къ натяжкамъ. Констатируя скрѣпу дьякомъ *не Разряднаго* приказа мѣстническаго акта, онъ силится объяснить это — то злоупотребленіемъ своимъ вліяніемъ со стороны этого дьяка (стр. 466), то «вмѣшательствомъ» его въ чужое вѣдомство (стр. 476), то «отстране-

ніемъ» въ данномъ случаѣ легальнаго разряднаго дьяка (стр. 487), то «опытностью» этого сторонняго дьяка (стр. 490), то «случайнымъ царскимъ приказомъ» (стр. 495). Всѣ эти натяжки и дѣланныя объясненія исчезнутъ, если мы будемъ, какъ сказано выше, различать дѣятельность приказныхъ дьяковъ, какъ участниковъ Государевой думы, отъ ихъ дѣятельности, въ качествѣ начальниковъ приказовъ.

Результатъ изслѣдованій, послужившихъ г. Лихачеву основою для четвертой главы его книги, изложенъ имъ въ особомъ приложеніи, заключающемъ въ себѣ хронологическую таблицу дьяковъ Разряднаго приказа, со включеніемъ въ него и возстановленныхъ авторомъ первыхъ трехъ составовъ этого приказа, такъ что эта роспись дьяковъ обнимаетъ собою промежутокъ времени съ 1535 г. по 1612 годъ. Въ этой росписи оказываются, однако же, слѣдующіе дефекты годовъ, для которыхъ автору не удалось возстановить разрядныхъ дьяковъ, хотя бы только предположительно: 1538—1548, 1551—1552, 1557—1565, 1567—1569, 1573—1574, 1578. Но и для годовъ, имѣющихся въ росписи г. Лихачева, далеко не всѣ разрядные дьяки возстановлены съ несомнѣнною достовѣрностью, такъ какъ изъ 126-ти значущихся здѣсь дьяковъ—только 83 дьяка являются для г. Лихачева съ признаками несомнѣнности ихъ принадлежности къ Разряду; остальные 46 дьяковъ, т. е. болѣе одной трети общаго числа ихъ, указаны авторомъ болѣе или менѣе предположительно.

Все сказанное выше приводитъ насъ къ убѣжденію въ томъ, что роспись разрядныхъ дьяковъ, составленная г. Лихачевымъ, во многихъ частяхъ своихъ требуетъ большой провѣрки, и что, въ настоящемъ видѣ своемъ, она весьма далека отъ характера окончательнаго научнаго вывода, являясь лишь подготовительнымъ матеріаломъ для будущаго историка Разряднаго приказа. Вотъ почему пользованіе таблицею г. Лихачева требуетъ строгой критики и большой осторожности, которую намъ и остается рекомендовать лицамъ, которыя пожелали бы пользоваться ею для научныхъ цѣлей

Мы шагъ за шагомъ прослѣдили весь трудъ Н. П. Лихачева, слѣдя по нити его кропотливыхъ изслѣдованій, указывая достоинства этихъ послѣднихъ, отмѣчая и ихъ слабыя стороны.

Мы въ своемъ мѣстѣ уже высказались относительно узкости и односторонности темы, избранной г. Лихачевымъ — и болѣе къ этому вопросу возвращаться не будемъ. И такъ, не останавливаясь на томъ, что *могло бы быть сдѣлано* авторомъ, остановимся лишь на томъ, что *дѣйствительно сдѣлано* имъ.

Мы знаемъ, что первоначальная исторія приказовъ, бывшихъ главными движущими рычагами русскаго государственнаго механизма XVI—XVII вѣковъ—скрыта отъ глазъ историка и что, при настоящемъ положеніи источниковъ, только усиленныя архивныя изысканія могутъ еще дать надежду на то, что этотъ темный вопросъ русской историко-юридической науки будетъ хотя отчасти освѣщенъ. Но для того, чтобы разобраться въ массѣ подавляющаго архивнаго матеріала и воспользоваться имъ для указанной выше цѣли, необходимо имѣть возможность смѣло относить данный архивный актъ къ тому или другому приказному вѣдомству, а для этого, въ свою очередь, приходится пользоваться указаніями дьячьихъ скрѣпъ. И такъ—прежде всего надо имѣть списки, каталоги, приказныхъ дьяковъ, расположенные какъ по отдѣльнымъ приказамъ, такъ и въ алфавитномъ порядкѣ. Никто изъ лицъ, знакомыхъ съ современнымъ состояніемъ источниковъ XV—XVI-го вѣковъ и съ положеніемъ нашихъ государственныхъ архивовъ, не станетъ спорить противъ того, что болѣе или менѣе полное выполненіе этой задачи есть вопросъ весьма далекаго будущаго, что выполненіе этой задачи требуетъ массы предварительныхъ архивныхъ изысканій.

На почвѣ этихъ-то послѣднихъ, на научное поприще впервые и выступилъ г. Лихачевъ, еще молодой, но несомнѣнно талантливый и трудолюбивый ученый, съ своимъ крупнымъ печатнымъ трудомъ «Разрядные дьяки XVI-го вѣка». Мы должны чистосердечно признать, что, въ предѣлахъ возможнаго и въ границахъ поставленной имъ задачи—г. Лихачевъ сдѣлалъ все отъ него зависѣвшее для выясненія выдвинутаго имъ вопроса. Не вина г. Лихачева, если результаты его изысканій дали менѣе того, на что онъ, по всей вѣроятности, самъ расчитывалъ. Тѣмъ не менѣе г. Лихачеву удалось возстановить три состава Разряднаго приказа (1535—1537 г.г., 1549-й и 1555—1556 г.г.) и предложить хронологическую таблицу разрядныхъ дьяковъ за промежутокъ времени съ 1535-го по 1612-й годъ, которая, если и не совершенно достовѣрна, то, во всякомъ случаѣ, значительно облегчитъ трудъ будущаго историка Разряда. Далѣе авторъ прекрасно освѣтилъ современное положеніе вопроса о разрядныхъ и родословныхъ книгахъ, являющихся въ

слѣ важнѣйшихъ результатовъ дѣятельности Разряда. Наконецъ, торъ собралъ въ своей книгѣ богатый и цѣнный матеріалъ, надежащимъ образомъ освѣщенный и комментированный.

Къ положительнымъ сторонамъ книги г. Лихачева слѣдуетъ тнести также рѣдкое по добросовѣстности отношеніе къ источни-амъ и къ задачамъ своего труда; умѣлое примѣненіе аналитичеаго метода, освѣщеннаго надлежащими критическими пріемами; необычайную, доходящую до педантичности, аккуратность въ цитатахъ, наконецъ — громадное трудолюбіе и поражающее упорство труда. Читая книгу г. Лихачева, невольно вспоминаешь научные пріемы покойныхъ М. П. Погодина, К. А. Неволина, И. Д. Бѣляева, В. И. Лешкова и современныхъ имъ славныхъ представителей историческаго знанія, давшихъ могучій толчокъ развитію русской исторической и историко-юридической науки. Мы убѣждены, что въ томъ случаѣ, если г. Лихачевъ не будетъ вовлеченъ въ слишкомъ узкія рамки будущихъ работъ своихъ, если онъ будетъ шире ставить задачи ихъ и не обратится въ исключительно-архивнаго труженика, подготовляющаго камни для зодчаго-созидателя (чего мы сильно опасаемся),—русская историческая наука вправѣ многаго ожидать впереди отъ молодаго ученаго. Вотъ почему мы не безъ искренняго сожалѣнія останавливаемся передъ многократными обѣщаніями г. Лихачева въ его книгѣ—посвятить ближайшіе труды свои одностороннимъ генеалогическимъ изысканіямъ; мы опасаемся, что молодой авторъ, увлекшись подобными детальными работами,— въ значительной степени сказавшимися уже въ разбираемой нами книгѣ его, — не пріучится къ историческимъ обобщеніямъ, не пріобрѣтетъ надлежащей широты историческаго взгляда, что онъ,— употребимъ нѣсколько банальное, но мѣткое выраженіе, — размѣняетъ трудъ свой на мелочь.

А это было бы очень жаль, ибо, если изслѣдованіе «Разрядные дьяки XVI-го вѣка» и не представляетъ собою труда, который составилъ бы эпоху въ русской исторической наукѣ, то, тѣмъ не менѣе, является трудомъ вполнѣ почтеннымъ.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Февраль 1892 года.

Непремѣнный Секретарь, Академикъ *А. Штраухъ*.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12.

Stanford University Libraries
3 6105 124 426 771

Stanford Universit
Stanford, Cal

Return this book on or b